

УДК 94(47+57)«09/10»

Владимир и престол: об институционализации власти «крестителя Руси»

Риер Я.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Власть является одним из важнейших критериев уровня политического развития общества. Механизмы ее институционализации представляют значительный интерес в ходе изучения государствообразующих процессов на тех или иных территориях. Одним из крупнейших государственных образований на территории Восточной Европы в эпоху раннего средневековья явилась Древняя Русь, оказавшая значительное влияние на процесс политогенеза на белорусских землях. Интереснейшей фигурой для изучения институционализации и сакрализации власти является Владимир, более известный как «креститель Руси». Его политика упрочения власти повлияла не только на развитие самой Древней Руси, но и нашла отражение в последующих государственных образованиях, возникших на прилегающих территориях, в частности ВКЛ.

Цель статьи – анализ механизмов институционализации власти Владимира Святославовича, или Владимира Святого.

Материал и методы. В ходе работы использованы материалы летописей, а также обобщающих трудов по данной проблематике. Привлечены иллюстративные данные из Радзивилловской летописи и нумизматические источники. При подготовке публикации автор руководствовалась базовыми принципами научного исследования: историзма, объективности, системности, а также комплексным подходом.

Результаты и их обсуждение. Владимир Святославович прошел долгий путь от узурпатора престола к сильному и могущественному правителю, «крестителю Руси». Несомненно, что условия для его правления были благоприятными, и Русь переживала период относительной стабильности, что не могло не сказаться на успехе политики Владимира. Тем не менее, очевидно, что великий князь применял всевозможные способы для упрочения и поддержания своей власти и ее авторитета.

Заключение. Образ Владимира как богоизбранного монарха влиял на идею сакральности монархов на белорусских землях, в частности, на правителей Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Древняя Русь, Владимир, власть, институционализация, сакрализация, легитимность.

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 104–110)

Vladimir and his Throne: about Power Institutionalization of «The Baptist of Russia»

Ryier Y.A.

Educational Establishment «Mogilev State A. Kuleshov University», Mogilev

Power is one of the most important criteria of a society political development. Mechanisms of its institutionalization are of great importance during the process of state formation investigation. Ancient Russia (Rus) was one of the biggest state formations in Eastern Europe in the epoch of the early Middle Ages. It influenced state formation process in Belarusian lands very much. One of the most interesting political figures for the study of institutionalization and sacralization of power in its history was Vladimir the Great, who is also known as «The Baptist of Russia». His policy of power legitimization influenced not only the development of Ancient Russia itself. It can be also traced in further political unions on neighbor lands, including the Grand Duchy of Lithuania.

The purpose of the article is to analyze mechanisms of institutionalization of St. Vladimir's power.

Material and method. During the research the author used materials of chronicles, general works on the topic. Also illustrations from Radziwill Chronicle and numismatic data were used. The author used such general methods of scientific investigation as historical, objective systematic principle and complex approach.

Findings and their discussion. Vladimir the Great went a long way to become a powerful and strong ruler, the Baptist of Russia. The historical background of his reign was favorable and the state itself was quite stable which led to Vladimir's

Адрес для корреспонденции: e-mail: morgana_89@mail.ru – Я.А. Риер

political success. However, it is also obvious that Vladimir used different ways or sources to make his power legitimate and strong.

Conclusion. *The image of Vladimir as a monarch, chosen by God, influenced the idea of sacral ruler in Belarusian lands, including the rulers of the Grand Duchy of Lithuania.*

Key words: *Ancient Russia (Rus), Vladimir, power, institutionalization, sacralization, legitimacy.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 26. — P. 104–110)

Зачастую история тех или иных государств ассоциируется, прежде всего, с наиболее яркими ее правителями, оказавшими влияние на социальное и политическое развитие общества. Причем многие ученые в ходе анализа процесса государствообразования уделяют особое внимание именно вопросам власти, опираясь на изучение жизнедеятельности и политики отдельных правителей.

Необходимо отметить, что подобное акцентирование неслучайно. Ведь власть является одним из важнейших механизмов, обуславливающих как уровень развития общества в целом, так и особенности политического, социального и правового развития общества в конкретном государственном образовании на определенном этапе его эволюции.

Цель статьи – анализ механизмов институционализации власти на примере Древней Руси и одного из знаковых ее правителей – Владимира Святославовича, или Владимира Святого.

Материал и методы. В ходе работы использованы материалы летописей, а также обобщающих трудов по данной проблематике. Привлечены иллюстративные данные из Радзивилловской летописи и нумизматические источники. При подготовке публикации мы руководствовались базовыми принципами научного исследования: историзма, объективности, системности, а также комплексным подходом.

Результаты и их обсуждение. Начиная с теоретического аспекта данной проблемы необходимо отметить, что в исследовании вопросов, связанных с властью и ее влиянием на государствообразующие процессы, особое внимание принято уделять механизмам ее легитимизации [1, с. 78]. Этот термин ввел в науку немецкий ученый начала XX века Макс Вебер. Он отмечал, что власть является своеобразными отношениями между людьми, основывающимися на авторитете традиций, закрепленных в обществе и рассматриваемых как необходимые к соблюдению. Кроме того, внимание уделялось харизме и таким личным качествам правителя, как мудрость, храбрость, героизм и др., а также «легальности» – совокупности отдельных правил, зачастую закрепленных законом, благодаря которым мог поддерживаться особый, высший статус управленческих административных структур [2, с. 154].

Следует отметить, что сам правитель также выполнял определенные функции в обществе, например, дипломатического представителя своего социума, военного защитника или организатора хозяйственной жизни. Таким образом создавалась обратная связь между правителем и населением, которое было также заинтересовано в ее сохранении как залого стабильности [3, с. 94–98].

Разумеется, что и функции правителя, и пределы самой власти различались от региона к региону, а также в зависимости от конкретного промежутка времени. Тем не менее власть в любом случае нуждалась в своеобразном культурном обрамлении собственных притязаний на особый статус в обществе. Политической элите необходимо было найти символические формы, которые могли бы оправдать сам факт ее существования, соответствовать ожиданиям населения, а также защитить от возможных посягательств в будущем. С этой целью использовались разнообразные церемонии, ритуалы, легенды и т.д. Именно с помощью данных механизмов власть приобретала ауру чего-то «особого», «сакрального», а сам процесс легитимизации власти правителя носил в первую очередь идеологическую и символическую природу. Более того, идеология сама по себе являлась одним из важнейшим средств, служащих для сохранения власти и ее упрочения. Легитимизация же роли правителя согласно закону появилась гораздо позднее, как и принципы наследования власти.

Еще одним важным механизмом институционализации власти являлась религия. Она оказалась способной консолидировать общество и придать правителю сакральное значение, что, в свою очередь, играло немаловажную роль в процессе упрочения его статуса. Издавна люди верили, что некоторые из них были наделены особыми силами, обладали способностями к общению с духами, божествами, являясь, по сути, связующим звеном между высшими силами и людьми, а значит, способны лучше справиться с административными функциями, которые на первых этапах государствообразующих процессов в первую очередь сводились к хозяйственному обеспечению и защите территории от врагов [1, с. 74].

Христианство внесло огромный вклад в усиление роли правителя, придав ему не только значимую социальную роль, но наделяя его огромным сакральным значением, еще большим, чем во вре-

мена языческих верований. По сути, правитель объявлялся посланником Единого Бога. Кроме того, именно с появлением христианства стала известна фраза, применимая к правителям: «Единый Бог на небе, единый правитель на земле». И несмотря на то, что это высказывание обычно приписывают первому причисленному к лику святых французскому королю Людовику IX (1214–1270), даже в более ранний период времени можно говорить о подобных тенденциях, характерных для европейских государств средневековой эпохи. С появлением христианства правители концентрировали в своих руках власть, гораздо более сильную, чем ранее, так как в ней соединялись легитимность и сакральность правления.

В Западной Европе в средние века можно даже говорить о феномене королевской святости, черты которой можно найти во многих ранних государствах того времени. Согласно европейской исторической традиции модель королевской сакральности появилась в эпоху раннего средневековья, соединив в себе элементы нескольких традиций – от античной до византийской. Известные династии того времени (например, Каролинги, Оттоны) взяли имперские традиции святости монарха, добавив к ним христианские обычаи сакрализации правителя, например, такие как присяга и коронация. Последняя являлась особенно важным механизмом институционализации власти, так как создавала новую персону – короля, который был освящен в ходе данного ритуала Самим Богом, а значит, и сам становился фигурой священной. В свою очередь монарх, желая подтвердить и подчеркнуть собственный высокий статус посланника Господа, использовал всевозможные символические и литургические средства, которые могли включать коронацию (с одеванием короны или прохождением под ней), церковные ритуалы, повторение особых псалмов, а также воспевание литургических «представлений взошедшего на престол правителя» [4, с. 49]. Более того, изобретение сакральных символов и сакрализационных ритуалов привело к созданию образа правителя «*vicarious dei*», объявлению его носителем двух тел или сущностей – одной телесной, личной, и второй сакральной, святой [5, с. 82]. Все это впоследствии обрамлялось правящей династией ореолом принадлежности к высшему, духовному благодаря коллекционированию святынь, реликвий, которые также могли объяснить сверхъестественную силу правителей.

В Западной Европе королевская святость достигла своего апогея в XIII веке. Интересное описание подобных процессов можно найти в трудах известного французского историка-медиевиста Жорджа Дюби (1919–1996), который отмечал, что в данный период времени французским королям удалось сконцентрировать власть в своих руках и

стать по-настоящему сакральными правителями. В доказательство он приводит ритуалы, которые имели место в эпоху средневековья. Надгробия королей позволяли различить все черты правителей – красивых, мудрых и благородных. Их изображения характеризовались наличием всех необходимых атрибутов власти, которые они получали во время коронации: меча, который помогал им бороться со Злом, скипетра – символа правосудия, короны как олицетворения власти, дарованной им Богом [5, с. 147]. Все это придавало европейским правителям огромную силу в глазах общества.

Но, разумеется, необходимы были особые средства передачи подобной традиции сакральности и легитимности правителя и его высшей силы последующим поколениям. В этом отношении огромную роль начинали играть хроники, жизнеописания правителей и их восхваления, создатели которых зачастую создавали образ идеального монарха, одаренного Божьей милостью, заботящегося о собственных владениях и о своем населении и т.п.

Конечно, схожие тенденции в процессе институционализации власти имели место и на территории Восточной Европы, правда, с некоторыми особенностями, обусловленными географическими и историческими условиями развития региона. Главная же роль в процессе легитимизации власти на первых этапах государствообразования принадлежала личному авторитету правителя и его сакрализации.

Попробуем рассмотреть данные явления на примере одной из самых ярких фигур в средневековой восточноевропейской истории – Владимира Святославовича, или Владимира Великого (около 960 – 1015).

Его фигуре уделено огромное внимание в подавляющем количестве источников, упоминающих историю Киевской Руси домонгольского периода, создающих его личность особой и значимой для политического развития этого региона. Каким же образом «сын рабыни» смог достичь такого величия и какими способами он добился прочной власти и огромного авторитета?

Здесь необходимо отметить, что источники по Киевской Руси, в частности, касающиеся жизнедеятельности «крестителя Руси», по сравнению с жизнеописанием западноевропейских монархов крайне скудны. И наши знания о данном периоде существования Древней Руси базируются в основном на более поздних летописях, историях, содержащих перепись ранних записей, или упоминаниях о происходивших в конце X века событиях. Кроме того, отдельную информацию можно получить в скандинавских сагах и иностранных, в частности, западноевропейских или арабских источниках (договоры, записи послов и т.д.).

Самым известным источником по восточноевропейской, и в частности древнерусской, истории принято считать «Повесть временных лет...», написанную предположительно в начале XII века Нестором и дошедшую до нас в нескольких, более поздних списках. Что касается вопросов власти и личности правителя в эпоху Владимира, то особо значимую роль может сыграть именно Радзивилловская (или Кёнингсбергская) летопись (список) — один из ценнейших старославянских иллюстрированных источников. Созданная в XV веке, она является копией ранее написанной летописи (вероятнее всего XIII века) и доводит события, рассмотренные в «Повести временных лет» до 1206 года. Что еще более важно и примечательно в контексте изучения вопросов власти и личности правителя, в том числе Владимира Святославовича, это то, что она содержит более 600 иллюстраций, многие из которых, по мнению специалистов, могли быть скопированы с оригинальных источников XI–XIII вв., а значит, вызывают огромный интерес с точки зрения материального отображения личности правителя и его восприятия современниками [6].

Невозможно также представить анализ процесса легитимизации власти Владимира Святославовича без рассмотрения одного из самых важных источников по данной проблематике — «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, написанного между 1037 и 1050 гг., в котором можно найти не только идеи о характере или объеме княжеской власти, ее сакральных основах, но также познакомиться с идеалом правителя, созданным автором. Несмотря на то, что произведение посвящено одному конкретному правителю, образ которого намеренно идеализирован, анализ «Слова» представляется неопределимым вкладом в изучении образа идеального князя как отражения определенной концепции власти в целом. Кроме того, источник содержит подробное освещение событий, связанных с крещением Руси, а также подчеркивает важность данного события в укреплении власти правителя [7, с. 38].

Необходимо отметить и «Память и похвалу», написанную монахом Иаковом в XI веке и представляющую собой похвальное слово князю Владимиру, а также сохранившую ценнейшие сведения о событиях указанного отрезка времени [8].

Что касается западноевропейских и греческих источников, то они уделяют не так много внимания восточнославянским землям, и в частности, Древней Руси. Тем не менее можно отметить арабские тексты, в которых упоминается Владимир в связи с помощью византийскому императору Василию II в 988 г., а также греческие тексты, свидетельствующие о крещении правителя [7, с. 44–45].

Как бы то ни было, Владимир Святославович является одной из самых неоднозначных и ярких

фигур в древнерусской истории, приход к власти которого, а также способы ее сохранения, однозначно вызывают значительный интерес.

Владимир был сыном Святослава из династии Рюриковичей, рожденным, согласно легендам и сведениям летописей, от ключницы Малуши, по сути рабыни. После смерти своего отца в 972 году Владимир, являвшийся в то время новгородским князем, выждал некоторое время, пока междуособная борьба между Ярополком, оставшимся править в Киеве, и его братом Олегом не закончилась гибелью последнего. Бежав в Скандинавию, Владимир набрал там войско и вернулся с большими силами в Новгород, в котором к тому времени княжил посадник Ярополка, выгнал его, а затем двинулся на Киев, убил великого князя и по сути захватил власть.

В чем же был секрет его успеха? Возможно, одним из факторов, благоприятно сказавшихся на его правлении, явилась военная мощь, не знавшая сильных противников как внутри, так и вне государства. Это обусловило относительно спокойное становление Киевской Руси на данном этапе политического развития. Однако Владимир, убивший своего брата и по сути узурпировавший власть, страдал от дефицита легальности собственного правления. Примечательным событием, имевшим место во время его так называемого пути к престолу, стал захват Полоцка, показавший всю слабость позиций князя. Посватавшись к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде в 980 году, он получил категорический отказ от княжны, ответившей, что не хочет она «розувати робичича, Ярополка хочу» [9, с. 32]. Таким образом было проявлено своеобразное презрение по отношению к князю, родившемуся от рабыни, и, кроме того, продемонстрирована неустойчивость его статуса в обществе. Убив Рогволода и его сыновей, он все-таки взял Рогнеду силой в жены, правда, до сих пор остается дискуссионным вопрос об официальности их брака и о том, был ли он заключен. Но ясно одно. Наверное, уже тогда Владимир мог осознать необходимость определенных действий в направлении упрочения своей власти, ее легитимизации в случае успешного захвата. В то же время он понимал недовольство некоторых представителей знати, которые составляли пусть неопасную, но довольно значимую оппозицию его правлению.

Несмотря на то, что тогда Русь еще не знала четкого принципа наследования власти, убийство брата и захват престола не могли рассматриваться иначе, как своеобразное преступление, пусть и случалось такое не единожды. То есть он, как узурпатор и «сын рабыни», несомненно имел все причины искать способы для объяснения своего прихода к власти, а также упрочения режима. Нужно было прикрыть случившееся ореолом

востребованности, объяснить приход Владимира благими намерениями защиты земли и ее населения. Наверное, поэтому автор «Повести временных лет» приложил столько усилий к аргументации событий, указывая на то, что Ярополк убил Олега, а значит, Владимир защищал его честь и свою жизнь. Кроме того, сам Владимир не убивал Ярополка, это совершил слуга его брата, а значит, он мог просто воспользоваться сложившейся ситуацией и взять освободившийся престол [7, с. 91].

Еще одним фактором, но уже более наглядным именно для его современников, в частности, рядового населения, стала религия, которая могла объединить общество, а также возвысить Владимира в глазах социума. Правда, первоначально князь решил обратиться к господствовавшим внутри общества языческим верованиям, объявив о реформировании языческого культа [10, с. 381]. В «Повести временных лет» описано, как капище с шестью главными богами славянского пантеона было воздвигнуто прямо у княжеской резиденции в Киеве: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь» [10, с. 381]. Без сомнений, это было попыткой Владимира получить поддержку населения, а заодно и поднять свой престиж.

Правда, время для реформирования и поощрения язычества было выбрано не совсем удачное. Ведь это был этап, на котором многие европейские правители обращались в христианскую веру. Правитель Польши Мешко I принял христианство в 960-х гг., а к середине 970-х его примеру последовал и венгерский вождь Геза, принявший новую религию от немецких миссионеров и крестивший своего сына под именем Стефан (к слову, последний стал святым покровителем Венгрии). Даже король Дании Харальд I был крещен примерно в середине 960-х гг., а с середины 970-х начал выпуск собственных монет с изображением креста [11, с. 159].

Сейчас трудно сказать, какое обстоятельство повлияло больше на Владимира, но уже вскоре после установления идолопоклонничества он начал интересоваться религиями, господствовавшими в других регионах. Согласно «Повести временных лет», в 986 году Владимир встретился с представителями различных вероисповеданий.

Следует подчеркнуть, что даже в выборе религии Владимир наверняка опирался не только на свои личные предпочтения. Вполне вероятно, что он стремился найти то вероисповедание, которого помогло бы ему не только укрепить личный авторитет, но и найти поддержку у местных жителей. Именно поэтому он мог обращать внимание на историческое прошлое религии, ее соответствие

традициям, существовавшим к тому времени на Руси, а также материальное выражение (храмы, обрядность, представительность). Немаловажное значение придавалось и концептуальным догмам новой веры. Необходимо заметить, что все религии, которые рассматривал Владимир, являлись монотеистическими, признающими Единого Бога, а значит, и единого Его посланника на Земле, то есть правителя. Кроме того, все данные вероисповедания имели выражение в книжных источниках, основные догмы были записаны, а значит, могли быть легко усвоены, их было легко передавать от поколения к поколению.

Ну и разумеется, для Владимира это был не только вопрос престижа, но и политики. Неслучайно сразу после событий выбора религии в летописях идет рассказ о взятии Херсонеса и о «политической сделке», которую князь Руси заключает с правителем Византии. Он принимает христианство, берет в жены сестру Василия Анну и заключает мир, сохраняя Херсонес. Точной даты, правда, а также однозначного места крещения Владимира нет. Зато подробно описано в летописи крещение населения Руси: свержение языческого капища в столице, массовое крещение жителей Киева в Днепре, строительство храмов и т.п. [10, с. 383]. Таким образом, Владимир становится не только христианином, но «крестителем Руси», обернувшимся в истинную веру свое население и ставшим их защитником и авторитетом.

И с этого момента образ правителя в источниках кардинально меняется. Если ранее он изображается как жестокий, своенравный правитель, узурпатор престола, то после принятия христианства он выступает спасителем Руси, могущественным правителем народа. Разумеется, мы понимаем, что монахи, писавшие летописи, являлись христианами, и в их интересах было создать образ идеального христианского правителя, спасшего свою землю и свой народ от язычества. Кроме того, источники, которыми мы располагаем, являются не оригиналами, а более поздними компиляциями, возможно, подвергшимися определенным изменениям [12, с. 12–13]. Тем не менее нельзя не согласиться, что именно принятие христианства и крещение Руси стало показательным и важным событием в политике Владимира, позволившим ему повысить собственный авторитет и укрепить власть.

Абсолютно очевидны различия в обращении и написании имени и титула Владимира в источниках, относящихся к тому времени. Если до 988 года Владимир в большинстве случаев упоминается просто как «Владимир» или «князь», то после этого рубежа хронисты величают его «великим князем», «единственным», «святым». Таким образом, подчеркивался его особый статус и выражалось стремление подчеркнуть его роль в истории Руси для последующих поколений.

Дополнить картину может изучение иллюстраций Радзивилловской летописи, которая наглядно показывает изменившееся отношение к великому князю.

Еще до 988 г. он ничем не отличается от изображений своих предшественников. Одетый в княжескую шапку, Владимир сидит на «стольце». Но он не находится выше по положению, чем его бояре или советники, он занимает примерно одинаковую с ними позицию на иллюстрации. Так, при принятии греческих послов, рассказывающих о своей вере, Владимир и вовсе заметно меньше их. Кроме того, само изображение князя схематично и повторяет очертания правителей предыдущего периода (рис. 1).

Рис. 1. Владимир и греки, рассказывающие о своей вере. Радзивилловская летопись.

Но после принятия Владимиром христианства изображение его как правителя заметно меняется. Он приобретает черты святого, его голову опоясывает золотистый ареол. Кроме того, авторы стараются подчеркнуть его авторитет, делая князя заметно выше своих спутников, а также показывая благоговение и уважение на лицах людей, смотрящих на него (рис. 2).

Рис. 2. Владимир основывает город Белгород. Радзивилловская летопись.

В то же время он, как истинный христианский, сакральный лидер, изображается не только в связи с политическими событиями, но и показывается вовлеченным в дела своего народа, являясь

настоящим его защитником. Так, он раздает милостыню или излечивает больных, строит храмы и т.п. [6, мин. 149, 150]. Это кардинально отличается от предыдущих иллюстраций, которые изображают князей в первую очередь как военных или политических лидеров в связи с дипломатическими переговорами, захватом престола или военными событиями.

Конечно, трудно сказать, насколько точно соответствовали представления летописцев воззрениям рядового населения периода правления Владимира. Но нельзя не согласиться, что подобные изображения хотя бы отчасти отражают возросший авторитет «нового, христианского» правителя по сравнению со «старым, язычником-узурпатором».

Разумеется, принятие христианства не явилось единственным механизмом, способствующим укреплению власти Владимира. Его внутренняя и внешняя политика также была направлена на концентрацию и удержание силы. Успешные военные походы прибавляли ему авторитета в глазах подданных, стабильное экономическое положение Руси в данный период времени не могло не сказаться на благоприятном окружении великого князя. И еще одной значимой, но скорее символической, попыткой легитимизировать свою власть Владимиром явился выпуск собственных монет, которые фактически не являлись предметом острой экономической необходимости, а скорее, являлись вопросом престижа и авторитета. Так, на серебряных («сребреники») или золотых («златники») монетах, появившихся в период его правления, можно обнаружить портрет самого Владимира Святославовича с одной стороны и трезубец как символ правящей династии с другой, а также надпись в легенде: «Владимир на престоле, а это его серебро (золото)» (рис. 3).

Рис. 3. Сребреник Владимира Святославовича.

Отчеканенная по византийскому образцу монета являлась символическим отражением авторитета и суверенитета правителя, подчеркивающим его высокий статус и прочное положение в государстве. Примечательно и то, что изображен

Владимир в византийской императорской тоге, не просто как князь, но как император, басилевс. Этот момент является очень интересным с точки зрения вопроса самоидентификации Владимира, а также свидетельствует об авторитете византийской традиции среди правителей Руси.

Заключение. Таким образом, Владимир Святославович, или Владимир Великий, прошел долгий путь от узурпатора и «сына рабыни» к сильному и могущественному правителю, «крестителю Руси». Несомненно, условия для его правления были благоприятными: Русь переживала период относительной стабильности, что не могло не сказаться на успехе политики Владимира. Тем не менее великий князь использовал всевозможные способы для упрочения и поддержания своей власти и ее авторитета. От письменного и, наверняка, устного оправдания захвата престола, представления событий 980 года и последующего периода как спасения Руси и ее народа до продуманной религиозной стратегии, выраженной в принятии христианства, обозначении себя единственным посланником Бога на земле. Естественно, что определенную роль сыграли здесь и личные качества Владимира: харизма, убеждающая сторонников и противников режима в его правоте и мудрости; способности военного вождя и достаточно мудрого политика, позволившие ему войти в историю и стать одним из самых известных, пусть и неоднозначных, правителей Древней Руси.

Образ Владимира как богоизбранного монарха влиял на идею сакральности правителей на белорусских землях. Особенно показателен в этом отношении панегирик Владимиру в летописце русских князей. Кроме того, прослеживается апелляция к Владимиру и в церковном праве Великого княжества Литовского. Так, образ Владимира как идеального руководителя, избранного Богом на престолонаследие, был перенесен позднее на Витовта – одного из могущественнейших правителей раннего этапа существования ВКЛ. Это характерно и для структуры «Похвалы Ви-

товту», созданной в белорусско-литовском летописании и демонстрирующей преемственность древнерусской традиции сакрализации власти литовских монархов.

Литература

1. Классен, Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 71–84.
2. Вебер, М. О цивилизационных основаниях власти / М. Вебер // Ерасов, В.Б. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / В.Б. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 556 с.
3. Kurtz, D.V. Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State / D.V. Kurtz // Social Evolution and History. – 2006. – Vol. 5, № 2. – P. 91–111.
4. Bernhardt, J.W. Itinerant kingship and royal monasteries in early medieval Germany (936–1075) / J.W. Bernhardt. – New York: Cambridge University Press, 1993. – 378 p.
5. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. – Смоленск: ТОО «Полиграмма»; Минск: ООО «Алфавит», 1994. – 319 с.
6. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38 / Академия наук СССР, Институт истории. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962; Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 177 с.
7. Korpella, J. Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power / J. Korpella. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. – 267 p.
8. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1: (XI–XII вв.). – СПб.: Наука, 2000. – С. 316–327.
9. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. – 296 с.
10. Shepard, J. Rus' / J. Shepard // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 369–417.
11. Franklin, S. The Emergence of Rus 750–1200 / S. Franklin, J. Shepard. – London: Longman, 1996. – P. 139–180.
12. Косман, М. 3 гісторыі і культуры ВКЛ / М. Косман; уклад. Г. Сагановіча, пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мінск: Медысонт, 2010. – 448 с.

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.